

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 23 сентября 1995 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 23 de setiembre de 1995 № 2354

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

О СТЫДЕ И БЕССТЫДСТВЕ

«Вы мне таких вещей наговорили, сударь, которых честь не позволяет перенести».

Но это хорошо, когда «сударь» и Арбенин. Можно потребовать сатисфакции. Или на худой конец вмазать по щеке, как это делал оскорбленный Палиевский по отношению к обидчику. И тот «съел», проглотил и на дуэль (за пощечину!) Палиевского не вызвал.

Но ежели не «сударь», а особа женского пола? И ударить нельзя — женщина, разве что, как теперь становится все моднее, в суд с требованием возмещения за моральный ущерб. Иногда ведь выигрывают такие процессы.

Но, полно, рука еще держит перо и, как говаривал св. Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде».

Критика и литературно-газетная публицистика никогда не баловали меня даже в перечислениях имен. Скажем, идет речь о «деревенской» (дурацкий, кстати сказать, термин) литературе 60-70-х годов. Начинается перечисление: Абрамов, Белов, Распутин, Крупин и др. ... как будто не было ни «Владимирских проселков» в 1957 году, от которых «детонировали», например, Ольга Берггольц с «Путешествием за Невскую заставу» (а заглавие «Дневные звезды» я дал своей статье об этой повести, оно понравилось Ольге Федоровне, и она перенесла его на самую повесть), а также «Ледовая книга» Смула, родившаяся в замысле, по словам самого Юхана, при чтении «Владимирских проселков». Как будто не было и «Капли росы» в 1960 году, и десятков рассказов, после которых многим писателям (тешу себя мыслью) было легче разрабатывать «деревенскую тему». Не то чтобы — просека, но хотя бы зарубки и затеси, указывающие направление.

И вдруг после пребывания в многолетних «и др.» чуть ли не целая газетная страница и не в каждом ли абзаце — имя в разных падежах! Ну, удружила Т. Глушкова!

Хотя радоваться нет особых причин, ибо остается впечатление, что статья написана в запущенной стадии озлобления, как явления медицинского, а точнее — ветеринарного.

Помню из детства, что в деревне всегда боялись, если собака бежит, ничего не видя перед собой, и кусает каждого встречного направо и налево (насчет «направо и налево» не преувеличено. Пробегая по одной лишь газетной странице, авторша успела укусить: Никиту Михалкова, Говорухина, Собчака, Шумейку, Лужкова, Ельцина, В. Крупина, Эльдара Рязанова, Горбачева, В. Максимова, Распутину, Аллу Пугачеву, Караулова, Ковалева, Евтушенко, «Независимую Газету», газету «Наша Страна», выходящую в Аргентине, и вот еще почему-то с особенной злобностью — Солоухина).

Постепенно я коснусь всех (или большинства) спорных мест в статье Т. Глушковой. Но сначала я должен остановиться на чисто уголовном моменте клеветы, а именно на том месте, где авторша фантазирует о моих «Кашцевых» богатствах, о баснословных банковских счетах (употреблено слово — миллиарды), а также о том, что эти Кашцевы богатства ни для кого не доступны, хотя бы для обозрения.

Не знаю, чего больше в этих лживоносных строчках — сознательной клеветы, наивной неосведомленности или заушательского (то есть по слухам, с чужих слов) стремления выплеснуть на человека ведро дерьма. Но почему и за что, если исключить испуганное умопомрачение кусать всех подряд? А ведь можно такого наговорить, что придется потом отвечать за свою пусть и дамскую, пусть и заушательскую, пусть и в состоянии непонятного озверения, болтовню.

Итак, начнем с уголовного обвинения — с «баснословных» банковских счетов. Даю их точный обзор с учетом возможной уголовной ответственности за ложные показания.

У меня вышло, я думаю, не менее 70-ти книжных изданий, не считая сотен журнальных и газетных публикаций. Система оплаты писательского труда была в нашем родном государстве такова, что большую часть писательских денег государство брало себе. Например, выходит «Роман-Газета». Тираж — 2.000.000 экземпляров. Один экземпляр стоит 1 рубль. По человеческим правилам, автору полагается в зависимости от многих причин от 3-10%. Не трудно прикинуть даже в уме. А советский писатель получал 4-6 тысяч. И был эпизод. Микоян приехал на Кубу и посетил Хемингуэя. Подарил ему русский полушубок. Хемингуэй сказал: «Ваше государство должно мне одиннадцать миллионов долларов, а вы хотите отделаться полушубком». От нас, родных советских писателей, всегда отделялись полушубками.

Так вот, и к тому моменту, как государству рухнуть, у меня на сберкнижке номер 5287/025 лежало на срочном вкладе сто тысяч рублей. Да еще на «текущем» счету в той же сберкассе (куда поступали гонорары и откуда я брал на прожитие) от 10 до 60 тысяч. На эти деньги (а возраст пенсионный) я надеялся дожить до конца дней. К тому же дали и пенсию — 120 руб. Не трудно догадаться, во что превратились эти 100.000. Впрочем, может быть, за несколько лет накопились проценты? Во всяком случае, пенсия в связи с инфляцией увеличилась до 158.000. Но говорят, что это ниже черты бедности.

Свидетельствую, что кроме этих счетов в сберкассе № 5287/025 ни в одном банке земного шара у меня нет ни копейки, ни сантима, ни цента, ни пфенинга, ни болгарской стотинки, ни даже тугрика.

Работал я много. В конце концов это вылилось в десяти томное собрание сочинений, которое, правда, пока еще в стадии издания.

Я много переводил. Один перечень переведенного мною занял бы целую страницу. Вспомню главное. Бурятский эпос «Гэсер» (2 тома в стихах), киргизский эпос «Манас» (20 000 стихотворных строк), якутские классики Алексей Стулаковский и А. Сафронов, «Мой Дагестан» Руслана Гамзатова в 2-х томах, три романа Григола Абашидзе, книга стихов Павла Боцу, книга стихов Лиляны Стефановой, роман Исмаила Шихлы «Буйная Кура», две повести белоруса Василия Гигевича, роман Благи Димитровой «Страшный суд», роман Н. Сафарова «Роза» (премия с медалью от узбекского правительства),

«Сундук с драгоценными камнями» Шукрулло в 2-х книгах и многое, многое другое.

Работал, значит, печатался, издавался. Допускаю, что в те годы денег у меня на руках было несколько больше, нежели у Т. Глушковой с ее щебетанием, несмотря на состав семьи — жена, две дочери, а вскоре и трое внуков. Тогда я действительно кое-что мог купить. Не для того, чтобы, подобно Кашею, сидеть на купленном, а для того чтобы обставить дом, то бишь квартиру, кстати, тоже кооперативную.

Но ведь я покупал в государственных комиссионных магазинах по установленным ценам. Ну, кое-что из хорошей мебели. Помню, был такой магазин в Измайлове. Директор мне благоволил. Однажды предложил два зеркала в рамках из красного дерева. Как раз было место в гостиной, и я одно зеркало купил. «Берите второе», — уговаривал меня директор. «Да куда же я его повешу? И зачем мне два зеркала в одной квартире?» — «Ну, как хотите». И только что пальцем не покрутил около виска. А стоили они по 200 рублей за штуку. Уж, наверное, Кашей под кровать бы запихал зеркало, а не упустил.

Иконы... Это сейчас они свободно продаются в антикварных магазинах, что Т. Глушкову почему-то не трогает и не возмущает, а тогда... Позвонит женщина: «Я слышала, вы интересуетесь...» Приедешь, назовет цену.

Однажды мне пришло в голову, а собирательство было уже закончено: позвать государственного опытного эксперта. Он все переписал, пронумеровал, указал размеры и цены. И оказалось, что самая дорогая икона в моем самодеятельном, дилетантском, случайном собрании стоит 1200 рублей. О каких же миллиардах безответственно и заушательски лепечет Т. Глушкова? Называет меня Кашеем? А если я с этим списком эксперта, и пригласив комиссию, обвиню лепетунку в клевете и нанесении морального ущерба? Впрочем, что с нее взять...

Что касается недоступности... Да Господи! Все телевизионщики, киношники, все интервьюеры, врачи, мои друзья, прочие гости — пожалуйста! Да если бы Т. Глушкова позвонила, неужели бы я ее не пустил в свою квартиру? Приходи и смотри. После этой статьи, разумеется, не пущу. Даже науськаю нашу Сану. Правда, она ротвейлер, но добрее Глушковой.

К сведению Т. Глушковой, обозвавшей меня Кашеем, одна моя икона украшает алтарь в церкви села Городня, близ Твери. Одна икона висит в Троице-Сергиевской лавре над входом в церковь Духовной академии (потом там был пожар, и судьба иконы мне неизвестна). Три мозаичные «большие» иконы, пелена «Плащаница», икона Иверской Божьей Матери должны бы находиться в восстановленном Даниловом монастыре, в свое время я их туда отвез. Были у меня в собрании три церковных колокола (пуда по два). Один из них сейчас звонит в Церкви Бориса и Глеба и св. кн. Владимира в Зюзине, в Москве, а один — в селе Завидове, не доезжая Твери. Не все иконы я купил в Москве. При Хрущеве прокатилась волна за-

крытия церквей, вернее — остатков церквей. В 1961 году закрыли церковь и в моем родном селе. Закрыли зимой, без меня. И вот вижу — около церкви стоит грузовик, а наш сборщик утиля Яков Балашов погружает в него церковную утварь и церковные книги. Утварь мне помыл попросить ложный стыд (например, купель, в которой меня ведь крестили), а книги попросил, и Яков продал их мне по гос. цене макулатуры, то есть по 2 копейки за килограмм. Когда я рассказал тогдашней Е. А. Фурцевой, она охала и не верила.

Председатель сельсовета сказал мне: «Завтра я вынужден все иконы из вашей деревни увезти в другое село и там уничтожить. Если что нужно — бери». Я унес домой три иконы, которые почернее. Потом мне их отреставрировали (за немалые деньги), и теперь они у меня в Москве. «Почему повез домой, а не в музей?» — завизжала бы сейчас Т. Глушкова. Потому и домой, что дороги мне как память. А музей... Знает ли Глушкова, что в Третьяковке и в Русском музее (равно как и в областных музеях) лежат в запасниках многие тысячи неотреставрированных икон. Чтобы отреставрировать запасники одной только Третьяковки, потребуется 500 лет. Ну и добавилось бы к ним три алепинские иконы — и что?

С книгами — другая история. Они хранились в моем алепинском доме. А так как каждую зиму дом стоял пустой, то однажды его обокрали, вся библиотека алепинской церкви ушла неизвестно куда. В каком-то «камешке» я писал, что должна меня утешать мысль, что книги я все-таки спас, что вор их не выбросит на помойку и, так или иначе, они целы. Но, должен сказать, что это слабое утешение.

В своем озлоблении Т. Глушкова противопоставляет меня (в ипостаси собирателя) Павлу Корину, вот где он собирал, чтобы собранное вернуть России, а я-де — Кашей. Я был хорошо знаком с Павлом Дмитриевичем (не могу сказать, что дружили за разницей в возрасте) и знаю, что первейшим стимулом Корина как собирателя была любовь к русской иконографии, вообще к России и вытекающий отсюда тоже первейший стимул — спасти. Советская власть, большевики предоставили для собирательства огромные возможности. Все выбрасывалось и уничтожалось. Причем не в селе каком-нибудь, вроде Алепина, но в Москве, где сосредотачивалось все самое лучшее и самое ценное. Иконы он реставрировал сам либо нанимал реставраторов высшей квалификации, вроде Баранова и Кирикова. Т. Глушковой, пропищавшей про мои якобы миллиарды, скажу, что если собрание Корина принять за единицу, то мое составляет (по ценности) едва ли десятитысячную, а может быть — и сотысячную часть. Даже мой учитель и образователь Илья Глазунов едва ли насобирал сотую долю того (по ценности), что было у Корина. И вот эпизод. Умер приятель Корина, тоже художник, и вдова, чтобы как-то жить, решила продать часть коллекции своего покойного мужа. Она позвала Корина, чтобы тот оценил ее иконы. Он оценил. И, кстати, по-

рекомендовал: „Если будете продавать, продавайте Солоухину“. Не сказал ведь (как это сделала бы Т. Глушкова): отнесите в Третьяковку. Ну... В течение лет четырех я действительно выкупал у М. А. кое-что, и это все, что есть действительно достойного в моем доме.

Да, на первом месте было спасти, а потом уж „возвратить их России“ (слова Т. Глушковой). Не понимаю. Они спасены и они ведь в России! Отдать государству? Какому? Именно государство на протяжении всех восьмидесяти лет продает в другие страны иконы. Вот захожу я в Германии в магазин, где торгуют коврами (мне подсказали), а там на фоне ковров десятки наших икон. Как погнали? Внешторг СССР вошел в сговор с хозяином магазина и, заметьте, не на комиссионных началах, а так: хозяин магазина дает определенную цену, а за сколько он сам иконы продает, никого не касается. И сколько же таких магазинов по земному шару? (Это идилия была в семидесяти годах. Теперь распродажа России приняла другие размеры.) В Москве на Ордынке (или на Полянке) десятилетиями работал пункт по скупке икон у населения (потом уже перепродажа за границу). Ничего не говорю: если попадается очень старинная икона, то, возможно, на этом „пункте“ купив, ее передадут в музей (о чем так яростно хлопочет авторша... Но основное идет на продажу).

Корин... Коринское собрание очень легко было сделать филиалом Третьяковки. Особняк, обнесённый забором, а в нем блестяще отреставрированные иконы, равно как и живопись самого художника. Да, это возвратилось России (как будто до тех пор находилось на Аляске). Но возвратилось после смерти Корина. И не осталось семьи, наследников. А мы с моим учителем Глазуновым еще живы. Не торопите события, уважаемая Т. Глушкова, и будьте уверены, что иконы нас с Глазуновым, да и вас тоже, переживут. „Кто имеет доступ к Кашеевым складам „спасителя“? (Это она про меня!) Но у Корина при жизни, уверяю вас, был дворец не проходной двор. И едва ли удалось бы попасть в его дом нашей авторше. Да и сейчас. Пусть Глушкова попробует попасть в особняк Корина. Водят малочисленные экскурсии преимущественно иностранных туристов, но и только. Почему же надо считать, что достояние Корина лишь теперь возвратилось в Россию? А где же оно находилось до сих пор? Или Корин — не русский художник?

Коснемся более важного мотива. Как через всю статью проходит красной (или не знаю уж какого цвета — серобурмалинового, черного) нитью тема Солоухина, так через всю же статью проходит и тема монархии. Статья даже так и начинается: „Расшались бес монархизма“. Монархизм же в смеркающемся уме авторши трактуется как „стародедовский идеал с царем-батюшкой и лакеями на запятках“. В первый раз я читал статью быстро, пробега глазами, и сразу же у меня возник вопрос: царь-батюшка и лакеи на запятках. А куда же деть в этом случае Карамзина, Суворова, Ломоносова, Державина, Жуковского, Погодина, Сурикова, Нестерова, Воронихина, Казакова, Нахимова, Скобелева, Мусоргского, Чайковского, Тютчева, Хомякова, Аксакова, Фета, Островского — весь сонм русских писателей, поэтов, художников, композиторов, театр, включая Станиславского (то бишь Алексева — выходяца из купцов), Третьякова, Мамонтова, Рябушинского и т. д. и т. п. Включая двух наших гениев — Пушкина с Гоголем. Чтобы не быть голословными, выпишем из Гоголя полстранички. „Как умно определил Пушкин значение полномочного монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! Зачем нужно, говорил он, чтобы один из

нас встал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. Одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и есть высшая милость, уличающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выведенного яйца не стоит... Как метко выразился Пушкин! Как понимал он значение великих истин!“

Прокрутилось все это в моем мозгу с большим числом достойных имен, и я стал перечислять соответствующее место в статье Глушковой и увидел, что я, читая статью в первый раз, проскользнул мимо одного маленького словечка. У нее написано: „Царь-батюшка „с просвещенными лакеями на запятках“. Это кого же она считает просвещенными лакеями? Господи! Так это она всех перечисленных мною великих людей считает лакеями на запятках, пусть и просвещенными. Дай бы Бог нам таких лакеев!

А еще она считает, что монархизм — понятие лабазное, и все, кто так или иначе сочувствует идее монархизма как государственного устройства, — это лабазники, притом, что происхождение не имеет значения.

Так вот, надо бы знать нашей авторше, что монархия, настоящая монархия, каковой являлось государство Россия до его сокрушения и каковая она, может быть, возродится в гипотетическом будущем, что это явление не лабазное (хотя и лабазы могут наличествовать, то есть склады с продовольствием). Нет, монархия — это понятие не княжеское, не крестьянское, не купеческое, не армейское с рядовыми чинами и офицерами, не казаческое, не пролетарское (в смысле — рабочее), не разночинно-интеллигентское (с учителями, медиками, ветеринарами, инженерами, мореплавателями и т. д. и т. п.), но явление это народное.

У Солоневича (еще один просвещенный „лакей“) главная книга так и называется: „Народная монархия“. Понятие же „народ“ включает в себя все степени просвещенности, все профессии, все сословия, при том, что должен быть единый и цельный организм. Вся и беда-то наша состоит сейчас в том, что большевики позаботились провести целенаправленный террор, геноцид (более семидесяти миллионов человек), целенаправленный духовный геноцид, уничтожая людей по выбору, опустошая души и коверкая умы, чтобы народ превратился в безликое население. Можно от вина, скажем, отлить его часть, даже половину, но оставшееся вино бу-

дет обладать вкусом и ароматом целого. Если же целенаправленно убирать из напитка сахар, ароматические компоненты, хмель, от вина может быть, и не слишком убавится, но это уже будет не вино, а бурда. Нас много, казалось, что народ продолжает существовать, но он уже изменил свое качество, и никто не заметил перерождения клеток, подмены одного „напитка“ другим, народа — населением. В некотором смысле можно сказать, что народ теперь лишь тягловая скотина, а вовсе не боевая конница. Да и пахать-то разучились. Кто проведет теперь через все поле прямую борозду?

Обычно нарастание определенной идет по такой восходящей степени: националист, шовинист, черносотенец, фашист, монархист. Да вот еще недавно в последнем разговоре с журналистами, опубликованном уже посмертно, Владимир Максимов поставил нас с В. Астафьевым рядышком, назвав шовинистами. Правда, без злобности, а просто как констатация факта. Мол, на „Римскую встречу“ приехали как левые (имярек), так и два шовиниста: Солоухин с Астафьевым.

А я всегда удивляюсь. Почему же и какой же я шовинист?

Когда в 60-е годы появилась статья дагестанца Ахата Агаева о том, что пора всем народам СССР переходить на русский язык, именно Владимир Солоухин ответил ему статьей „Что нас роднит“, где утверждал, что каждая нация должна говорить на своем родном языке, иметь свою национальную культуру. Меня тогда вызывали на Старую площадь (в ЦК), где пытались убедить, что Ахат Агаев прав, что это веление времени и что все культуры должны в конце концов превратиться в единую советскую культуру и все народы будут говорить на одном языке. Я остался при своих убеждениях. И это крайняя степень национализма (по энциклопедическому словарю), то есть шовинизма?

Попадало мне не только за эту статью. По крайней мере три главных редактора так называемых „толстых“ журналов получили тогда выговоры за публикацию мною написанного. Виктор Николаевич Болховитинов получил аргументированный выговор от ЦК за публикацию моей повести „Трава“. Анатолий Васильевич Никонов — главный редактор „Молодой Гвардии“ — за публикацию „Писем из Русского Музея“ и романа „Мать-мачеха“ (и в конце концов его сняли с работы). Михаил Николаевич Алексеев получил устный, правда, выговор от М. В. Зимианина — второго идеолога страны за публикацию очерка „Время собирать камни“ об Оптиной Пустыни. „Приближается 110-летие со дня рождения Владимира Ильича, а вы печатаете очерки о каких-то монастырях!“

Самого меня не раз обсуждали на парткоме, в частности, за стихотворение „Волки“. Напомню:

“ БЕС МОНАРХИЗМА ”

В статье „Завтра“, — на которую отвечает в этом номере писатель Владимир Солоухин — Т. Глушкова, не скрывая свою тревогу и раздражение перед тем фактом, что — по ее словам — „расшались бес монархизма“, обрушивается на кинорежиссера Эльдара Рязанова за его якобы „лабазный монархизм“ и на еще более знаменитого кинорежиссера Никиту Михалкова.

Михалков вызвал негодование Глушковой следующими, воспроизведенными „Независимой Газетой“ словами: „Зачем выдумывать, изобретать что-то новое? Новая власть должна наконец почувствовать себя правопреемницей того, что было органичным для России. Самодержавие, православие, народность — это ведь не идиоты выдумали. Почему разговор о монархии у нас вызывает улыбку, а у англичан, японцев, шведов — не вызывает? Они что — глупее нас? Наконец, хуже нас живут? Так откуда же этот дурацкий скепсис, эти ухмылки?“

Глушкова затем написала: „А что монархизм в современных условиях может быть только лабазным (подслащенным, подкокаинным) пряным романсом о „порунике Оболенском“, — этого иступленно не знает разве только аргентинская махрово-монархическая газета „Наша Страна“ или какой-нибудь перманентный „слуга престола“ вроде вятчича Владимира Крупина, заплутавшего в клюквенных болотах православного русского патриотизма“. (Ред.)

Мы — волки
И нас по сравнению с собаками мало,
Под грохот двустулки
Год от году нас убывало.
Мы как на расстреле
На землю ложились без стопа,
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.
Мы волки, нас мало,
Нас, можно сказать, единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться...

Далее все по тексту, опубликованному в сборнике „День поэзии“. Интересно бы посмотреть, какие стихи написала наша воительница в 1966 году?

Что касается эпизода с Польшей, который всплыл в памяти Глушковой, то действительно у меня были очень хорошие многолетние отношения со светско-католическим обществом „РАХ“, когда им руководили еще Болеслав Пясецкий и Зигмунд Пшетакевич. Они даже издали одну мою книжку „Встреча с иконами“ и даже дали мне в 1975 году премию за лучшую книгу года. Вот тогда-то, встретившись на улице с Т. Глушковой, я предложил ей: „Не хочет ли она издаться в РАХе, с которым я связан“. Как раз у нее появились 2-3 хороших очерка „В трех поприщах от Новограда“ и еще один — о Михайловском. И то, что она отказалась издаваться именно в католической Польше, мне кажется, немало говорит как о национальной ограниченности, так и о шовинистических тенденциях.

Берем, наконец, следующий мотив статьи Т. Глушковой. „... Владимир Солоухин испытывает сердечную слабость к этим бедным чеченцам... Ему в эти дни, видите ли, стыдно, что он русский“.

Что же делать, если история, творившаяся на протяжении нескольких десятилетий моей жизни, не один раз заставляла меня стыдиться за дела государства. А ведь привыкли отождествлять у нас государство именно с русским народом, хотя, как мы уже видели, и народа-то как такового почти уж нет. И во всех деяниях государства народ ни при чем. Все делается от его имени, но вовсе не им. Да, мне было стыдно за венгерские события 1956 года, пражские события 1968 года, мне было стыдно за Катинский лес, мне было стыдно за Берлинскую стену, за выдворение Солженицына из страны, за неспровоцированное нападение на Афганистан и десятилетнее кровопролитие там, мне задним числом стыдно за расправу над Пастернаком, хотя и сам я в те давние времена по недомыслию поддакнул властям. Что ж, тем стыднее теперь. Мне стыдно за то, что государство не может защитить соотечественников в Прибалтике, в Средней Азии, в Закавказье (а их 25 миллионов). Мне стыдно за то, что их уничтожают как только могут и практически гонят, гонят, выживают из российских же (простите) городов. Ну ладно, те новоявленные государства, дорвавшиеся до суверенитета (вспомним: „Берите суверенитета сколько проглотите“), можно понять. Но почему Россия (ее огрызок) не может прийти на помощь, на выручку своим сыновьям и дочерям? Нет сыновей и дочерей, нет отечества. И мне стыдно. Мне стыдно за мелкую политическую войну с Крымом. С Крымом! Мне стыдно, между прочим, за Украину. Вместо того, чтобы сказать: „Мы понимаем, что дурачок спяная подарил тогда Крым. Мы понимаем, что он должен принадлежать России, а Украина тут ни при чем“. Так нет же, вцепились, как трупеды... Мне стыдно за них, а еще больше за московскую, кремлевскую власть, за ее полное очевидное бессилие.

Стыд — чувство скорее нравственное, чем безнравственное. Я хотел бы, чтобы Т. Глушкова дождалась до того часа, когда ей будет стыдно за то, что она наплела в своей злобенькой, но в общем-то бесстыдной статье.

Владимир Солоухин

ПИСЬМА ИЗ РОССИИ

ГЕНОЦИД РУССКИХ

Судя по публикациям в России, странах СНГ и Зарубежья мировая общественность не знает о демографической катастрофе русской нации, не знает, что вымирание народа в России происходит за счет славян и прежде всего русского народа.

Невиданные масштабы в мировой истории геноцида русских, их социально-политического неравенства, эксплуатации, жесточайшего угнетения привели к тому, что во многих городах и селах русские являются национальными меньшинствами и есть села, в которых нет ни одной русской семьи.

Коммунистическая пресса, в том числе и так называемая „патриотическая“, продолжает утверждать, что русских в России 85%. Делается это в интересах того, чтобы скрыть трагедию русских, скрыть виновников геноцида, уйти от ответственности за самое гнусное, самое чудовищное преступление 20-го века.

Эти строки пишутся в год 50-летия победы над Германией, в достижении которой главную роль сыграл русский народ. И вот теперь по утверждениям некоторых демографов в первой половине 21-го века русская нация прекратит свое существование. Подобные утверждения недалеко от истины.

Для того, чтобы показать политическое, социальное, демографическое, экономическое состояние русских и вообще славян в России и СНГ, предложить меры для их спасения и физического выживания, нам нужна газета, множительная техника.

Я обращаюсь от имени исполнительного комитета Всеславянского Собора к русским и вообще славянам зарубежья с просьбой оказать нам финансовую помощь. Для желающих нам помочь сообщая адрес: 160000, г. Вологда, ул. Урицкого 40, Коммерческий банк „Скомбанк“ счет 1700636, МФО 108010 или 160022, до востребования, Попову, Владимиру Федотовичу.

В. Попов (Вологда)

В ЗАЩИТУ СЕРБОВ

Десятого августа 1995 года, в день несостоявшегося приезда президента Хорватии Туджмана в Москву, патриотические организации столицы провели пикет на Арбатской площади в защиту сербского народа, вновь ставшего жертвой хорватской агрессии. В акции приняли участие депутаты Государственной Думы Марычев и Митрофанов. 5-6 августа, когда Европейское сообщество загорало на пляжах, вооруженная наводцами хорватская армия вышвырнула с исконных земель более 200 тысяч православных сербов, расстреляв при этом с воздуха и из танковых орудий десятки тысяч бегущих по дорогам мирных жителей. Это было бы невозможно без потакания стран НАТО и в первую очередь США, президент которых даже словесно не осудил кровавую этническую чистку. Представители движения „Воз-

рождение“, Народной национальной партии, Союза „Христианское Возрождение“ по окончании пикета двинулись к посольству Хорватии в Коробейниковом переулке. Скандируя „Позор палачам!“, „Туджман — военный преступник!“, москвичи пытались передать заявление с протестом представителям официального Загреба, однако никто из сотрудников посольства не отважился принять бумагу. Видимо, чиновники марионеточного режима не получили на сей счет указания из Вашингтона.

Владимир Осипов (Москва)

ДИССЕРТАЦИЯ ОБ И. Л.

Я получил посылку с книгами 29 июля. Большое спасибо. Вместе с тем очень, очень жаль, что не дошли прежние.

Моя работа над диссертацией об И. Л. Солоневиче понемножку разворачивается. Писаного еще ничего нет, пока лишь читаю и обдумываю. Тем кто пожелал бы прислать мне материалы Солоневича и о Солоневиче, сообщая мой точный адрес: Россия, 142703 Московская обл., г. Видное, ул. Школьная, д. 82, кв. 48, Зернову И. Н.

Руководитель мой считает тему работы о Солоневиче, как о пропагандисте монархии, актуальной. Это, наверно, хорошо, но меня больше подкупает взгляд И. Л., крестьянина-интеллигента, на российскую жизнь и историю. Мне кажется, что у И. Л. в мироощущении много схожего с любимым мною писателем В. Шукшиным.

Как жаль, что познакомиться с И. Л. Солоневичем и другими русскими эмигрантскими авторами довелось лишь сравнительно недавно. Понятно, что в советское время это было невозможно. А такая вещь как „Народная монархия“ способна изменить взгляды человека на мир.

Следует признать, что, по крайней мере мои знакомые в Москве, в большинстве своем с усмешкой относятся к монархическому будущему России. Но усмешка не злая, не отрицательная. Просто люди не знают о монархии, и в головах сидят прочные устойчивые советские штампы о монархии как о нечто обветшалом, устаревшем.

Это — ничего, это — нестрашно. Надо просто работать по распространению монархического богатства во всевозможных направлениях. Надеюсь, что моя диссертация послужит этой теме. Хватило бы сил и терпения.

И. Н. Зернов (Видное)

БЛАГОДАРНОСТЬ

Большое спасибо за регулярное поступление газеты и посильную поддержку в моей работе по восстановлению культурного наследия Дона.

В Ростов на Дону из Аргентины приезжал С. Н. Гриб; беседа с ним была весьма интересна. Признателен ему за изданные в Буэнос-Айресе книги — Борис Солоневич „Заговор красного Бонапарта“ и Я. Михальский „Враги человечества“. Первую, очень надеюсь, в 1996 году удастся „протолкнуть“ в журнал „Дон“.

К. Н. Хохульников (Ростов на Д.)

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НЕОЖИДАННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

Статья Г. Померанца „Разрушительные тенденции в русской культуре“ в № 8 „Нового Мира“ от с. г., представляет собою для нас приятный сюрприз.

Сам Померанц констатирует, что был „ошельмован русофобом“. К сожалению, для того имелись некоторые основания; и вот почему мне не раз приходилось ему в печати возражать.

Сейчас — совсем иное дело! В данной статье тоже есть вещи, с которыми трудно согласиться; но есть много, — и самого важного, — такого, под чем можно ото всей души подписаться.

Похоже, что события раскрыли автору глаза на проблемы, мимо которых он прежде проходил, не задумываясь.

Позволю себе процитировать обширные отрывки:

„Запад стал символом разрушения духовной иерархии, превращения святынь в „ценности“, лежащие на одном уровне. Свобода чувственных наслаждений и свобода каприза занимают пространство внутренней свободы. И если Запад, вырабатывая этот яд, сам от него не гибнет, то только благодаря хорошим привычкам, сложившимся до XX века, — привычкам дисциплинированного труда, ответственности, уважения к закону. В России эти привычки отчасти не успели сложиться, отчасти были расшатаны в годы советской власти. Оставшись без партийного руководства, современный русский человек не умеет выбирать и берет подряд все, что легче взять: секс-шопы, эротик-шоу и т. п. — или разгорается ненавистью ко всему западному“.

И далее: „Пошлость отталкивает и вызывает бунт... Пошлость „новых русских“ толкает в объятия „красно-коричневых“ (блока пожилых большевиков и молодых фашистов)“.

Автор статьи цитирует затем высказывания С. Говорухина: „Страна четко работает в режиме колонии... Мы фактически отказались от своей культуры, искусства. Мы отказались от науки, от высокой технологии... Или такая деталь — английский язык стал вторым государственным языком, доллар — национальная валюта... А мне не хочется так жить — в колонии“.

Как констатирует Померанц, так смотрит на вещи не один Говорухин. „По-видимому, пора сделать недвусмысленный вывод, давно уже ставший прочным достоянием теории модернизации, — пишет культуролог Александр Панарин. — Попытка механического заимствования западных ценностей и образцов приводит к самым печальным последствиям. Нынешняя разруха и люмпенизация населения — феномен не столько социально-экономический в собственном смысле, сколько культурный. В основе его лежит не столько унаследованная от прошлого отсталость страны, сколько отторжение от собственной культуры, ее норм и традиций — цивилизационная дезориентация народа. Главное средство борьбы с этим — обретение своей цивилизационной идентичности, того внутреннего гармонического универсума, в котором нормы-цели и нормы-рамки, притязание и возможность в основном совпадают.“

Но в процессе обретения своей цивилизационной идентичности России предстоит нелегкий путь“.

Померанц правильно отмечает: „Но в русском наследии действительно заключены цивилизационные начала и Византии, и Татарии, и Запада“. К чему меланхолично добавляет: „Создать из всего этого устойчивую форму не просто“.

Полностью присоединимся и к такой его оценке политической ситуации сегодня: „Победа красно-коричневого блока на выборах была бы, возможно, не игрой парламентских качелей, а концом игры, возвращением к тоталитаризму, после которого неизбежен новый застой, крах и новая смута“.

Наиболее интересна однако сконцентрированная к концу часть, это — высказывания автора о положении сейчас в подсоветской литературе и культуре в широком смысле слова.

„Упоение распадом и шовинистическое беснование поддерживают и вдохновляют друг друга. Беспросветно черная правда — это ложная правда, это инерция подлинной кровной правды вчерашнего дня, ставшая модой, тень, отброшенная неполной истиной и ставшая ложью. Человек бессилен передо тьмой, сдается тьме, безвольно погружается во тьму. Инерция распада ведет во „тьму низких истин“. Любовь как сердечное чувство, разгорающееся в груди, прежде чем дело доходит до прикосновений, почти исчезла со страниц рассказов и повестей. Само слово „любить“ уступает слову „трахать“. Наряду с этим широкое право гражданства получили непечатные глаголы“.

Как резюмирует автор: „Отсутствие внешней узды предполагает внутреннюю сдержанность, внутреннее чувство меры. Без нее свобода переходит в беспредел. Есть беспредел коррупции, беспредел преступности — и беспредел литературной разнузданности. Всюду одна и та же проблема свободы и воли“.

Правильно и метко охарактеризовав черноту как литературное направление, Померанц добавляет еще несколько обобщающих фраз: „Мыслящая и пишущая Россия раскололась в основном на два враждебных лагеря, пародирующих спор западников и славянофилов. С одной стороны, честный, но бездуховный рассудок космополитического либерализма, с другой — извращенная духовность, языческий культ ненависти, силы и насилия“.

Все это верно, хотя и грустно. Напрашивается с нашей стороны восклицание: „А мы что говорили?“ Тем интереснее, что мысли, совпадающие с нашими, выражаются на сей раз видным публицистом левого стана.

По-видимому, их несомненность и актуальность стали очевидными.

Владимир Рудинский

Выписывайте со склада „Нашей Страны“

„НАРОДНУЮ МОНАРХИЮ“
ИВАНА СОЛОНЕВИЧА

все 5 частей в одном томе.

Цена в Аргентине — 15 ам.

долл.

В других странах — 20 ам. долл.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Нам пишут из Москвы:

Творчество Владимира Рудинского как прозаика начинает получать признание в России. Целый ряд отечественных издательств ведут в настоящее время переговоры с проживающим в Париже постоянным сотрудником "Нашей Страны" на предмет переиздания его книги "Страшный Париж".

С другой стороны, престижный литературный журнал "Диалог" знакомит своих читателей с новыми образцами "готической новеллистики" В. А. Рудинского.

В предисловии Николай Пальцев на сей раз отмечает, что "в изящных фантастических рассказах-миниатюрах Владимир Рудинский органично сочетает разные и несхожие мотивы европейского (и не только европейского) фольклора, смело обращается к бродячим сюжетам и персонажам накопленного человечеством за века своего существования гуманистической культуры, неизменно высвечивая в освещенных веками традиции образах и фигурах нестареющее и актуальное для наших современников".

Н. Пальцев затем добавил: "Не исключение из этого ряда — и представляемые на страницах данного номера "Диалога" рассказы, в которых в оригинальном и необычном ракурсе предстают хорошо известные действующие лица исторического и литературного прошлого: герой бессмертного сервантесовского романа, прославленный мореплаватель из когорты открывателей Нового Света, соратник и единомышленник основоположника русской науки".

По словам Н. Пальцева, "интонация неподдельной тревоги и озабоченности автора судьбами человечества и его культуры в XX столетии, отмеченном не только беспрецедентным научно-техническим прогрессом, но и бременем небывало разрушительных войн и столь же беспрецедентного тоталитаризма, побуждает увидеть в этих рассказах (два из них — "Чудотворный перстень" и "Друг Ломоносова" — публикуются впервые) нечто большее, нежели просто примеры изысканной стилизации в духе "ретро" и увлекательной литературной игры".

ПОВТОРЕНИЕ КЛЕВЕТЫ

Нам пишут из Медона:

Парижский журнал "Вестник РХД" поместил исполненную лжи и передержек работу советского лектора Александра Дворкина "Что такое Русская Православная Церковь Заграницей?", выдержанную в стиле фальшивок пресловутого "историка" Д. Поспеловского.

Новоявленный клеветник повторяет бездоказательные измышления о том, что якобы Архиерейский Собор Зарубежной Церкви

отобрал у митрополита Евлогия германскую епархию "силами Гестапо", а митрополит Серафим (Ляде) был назначен на эту епархию по требованию германского правительства.

Дворкин лжет и тогда, когда утверждает, что Зарубежная Церковь "покорно подчинилась указанию гитлеровского правительства, воспретившего ей развернуть миссионерскую деятельность на оккупированных территориях Польши и СССР". На самом же деле, не смотря на чинимые гитлеровцами препятствия, при помощи сочувствующих русскому народу немецких офицеров, Зарубежный Синод послал в Россию, в частности, сто тысяч металлических крестиков и несколько тысяч платов для антиминса.

Советский лектор также не преминул поставить в вину Зарубежной Церкви благодарственный адрес германскому правительству за оказание щедрой помощи при постройке в лучшей части Берлина русского православного собора. Адрес был подписан митрополитом Анастасием за несколько лет до начала Второй Мировой войны. Одновременно умалчивается восторженная статья любимца "Вестника РХД" архимандрита Иоанна Шаховского, впоследствии ставшего архиепископом американской митрополии, приветствовавшего нападение Гитлера на СССР.

ЖАН ГИТТОН

Нам пишут из Медона:

Умирающий от рака бывший французский президент Франсуа Миттеран, несмотря на свою социалистическую идеологию, встретил со старейшим французским католическим философом и академиком 93-летним Жаном Гиттоном, автором более 50-ти книг, посвященных проблемам времени и вечности, чтоб спросить его, что ожидает человека после смерти.

"Он пришел ко мне, чтобы обсудить проблему смерти, как большой ревматизмом человек приходит на консультацию к ревматологу, — рассказал христианский философ. — Миттерана интересовало, что же такое смерть? Что следует за ней? Какой он, потусторонний мир? Я рассказал ему то, что знал".

После встречи с Миттераном, на расспросы журналистов Гиттон ответил: "Перед лицом смерти я

прежде всего испытываю огромное любопытство. Когда она ко мне придет, я наконец-то сумею на собственном опыте проверить справедливость моих рассуждений о смерти — был ли я прав или заблуждался. Я боюсь Страшного Суда, на котором придется держать ответ за совершенные мной грехи. Боюсь, что Господь Бог скажет мне: "Послушай-ка, Гиттон, я наградила тебя талантами, дал возможность жить в интересное время, помог тебе встретить исключительных людей, и как же ты всем этим воспользовался?" "Мне неизвестно, как соотносятся суд Господен и Его милосердие. Я, понятное дело, считаю второй выше первого и верю, что Бог всех простит и в конце концов выпустит всех из ада. Правда, полностью в этом я не уверен".

Гиттона беспокоит, что религия сдает позиции в современном обществе, но он замечает "поразительную вещь: религия идет на убыль, а религиозность во всем мире возрастает". Французский философ говорит, что всегда стремится "примирить два начала, которые постоянно находятся в противоречии — порой трагическом — по отношению друг ко другу, а именно — веру и разум. Каким образом? Добиваясь того, чтобы разум был верующим, а вера разумной. Я делаю все, чтоб прославлять этот союз, который окончательно восторжествует в 21-ом столетии".

Философ считает, что углубление неравенства между людьми богатыми и обездоленными становится невыносимым. "Мне кажется, что в наших обществах что-то разладилось. В результате настает день, когда неимущие неизбежно восстанут. Если нам завтра не удастся решить вопрос о справедливом распределении благ, произойдет нечто подобное социальной революции. Бедные захватят богатых, убьют и займут их места".

НОВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Нам пишут из Пензы:

В этом городе уже два года как существует кадетский корпус. Его руководители обращаются с просьбой к белой эмиграции прислать для корпуса литературу по истории кадетских корпусов и вообще — православно-монархическую.

Адрес кадетского корпуса: г.

Пенза, ул. Куйбышева 34. Имена руководителей: Сергей Владимирович Косых и Виктор Валентинович Долгов.

НОВЫЙ БЛОК

Нам пишут из Москвы:

В единый избирательный блок, который его участники называют "национал-патриотической ориентации", слились Русский Национальный Собор бывшего генерала КГБ Александра Стерлигова, Всероссийское Офицерское Собрание Владислава Ачалова и Ассоциация Промышленных Предприятий Александра Тизякова. Последний, однако, бывший член ГКЧП, был молниеносно исключен из блока.

Генерал Стерлигов в своем выступлении на объединительном съезде сказал, что задача нового блока — "изменить соотношение сил в Государственной Думе в пользу патриотических сил". "В нее должны прийти генералы-военные и генералы от производства", — заявил он, добавив, что целью блока является "восстановление русского правления в России". Блок будет добиваться "единства славян России, Белоруссии, Украины".

Стерлигов отмежевался и от А. Руцкого, и от компартии РФ.

ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

Газета "Новое Русское Слово" опубликовала интервью с одним из основоположников правозащитного движения Владимиром Буковским, в котором он заявил, что оно не победило. "Режим развалился, но мы не победили. Победили мародеры. Победил приспособленец, тот, кто колебался вместе с партией и вовремя успевал эти колебания угадывать. Они победили. А мы, конечно, остались в стороне. Я даю в моей последней книге такую аналогию: представим, что в 45-м году союзные армии, вместо того, чтобы требовать безоговорочной капитуляции нацистской Германии, приняли бы какую-нибудь форму перестройки нацистского режима и на этом успокоились. Что бы сейчас было в Европе? В Европе бы не было демократии, был бы так называемый пост-тоталитарный период — ровно то, что переживает сейчас Восточная Европа".

Положение в бывшем Советском Союзе В. Буковский характеризует следующими словами:

"Из пятнадцати президентов пост-советских республик только двое — Армении и Эстонии — не были коммунистами.

Только один президент — Левон Тер-Петросян — бывший диссидент.

Ни один сотрудник КГБ не был привлечен к ответственности.

Ни один тюремщик не уволен с работы.

Ни один полит-заключенный не реабилитирован и никому ничего не компенсировано.

Нет КПСС. Нет альтернативы КПСС".

В пятую годовщину со дня смерти

СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ШЕХОНИНА

в воскресенье 1 октября с. г. после Божественной литургии в Кафедральном Соборе Воскресения Христова будет отслужена панихида, о чем сообщают вдова и дети покойного.

Р О З Ы С К И

Дальние родственники Антонины Бендесюк, урожденной Концевич, разыскивают ее сына Александра Бендесюка, его внуков и правнуков.

Александр Бендесюк проживал в Аргентине с 1928 года.

Всем кто может дать какие-либо сведения о вышеуказанных лицах, обращаться в редакцию газеты "Наша Страна" по адресу: Sr. M. Kireeff, Monroe 3578 — 1º-11, Buenos Aires 1430, Argentina. Тел.-факс: (54-1) 544-0530.

Установление данного родства представляет обоюдный интерес.